

А.В. Оболонский
НИУ «Высшая школа экономики», Москва

Является ли Российское государство патерналистским? (К вопросу о концепции А.Я. Рубинштейна)

Аннотация. Статья посвящена обсуждению части вопросов, поднимаемых в фундаментальной междисциплинарной работе А.Я. Рубинштейна. Отмечаются многие достоинства статьи, ее глубокий, стимулирующий к размышлениям и дальнейшему развитию идей характер. Это предполагает дискуссию по ряду вопросов. Поднимаемые автором вопросы о сущности и типах государства, о его роли в жизни человека относятся к числу «вечно-зеленых». Их историческую эволюцию я обозначил очень кратким обзором. А основная часть статьи посвящена дискуссии относительно интерпретации автором взглядов фон Хайека, а также различиям в понимании автором статьи и мной концепта патерналистского государства. Представляется, что Рубинштейн недооценивает либеральную основу социальных взглядов Хайека и в то же время неоправданно расширительно трактует само понятие патерналистского государства. В результате этого оно, по сути, распространяется на всякое авторитарное правление, что представляется не вполне корректным. Это я и пытаюсь аргументированно показать на исторических и современных примерах. Отдельный интерес представляют социологическая часть статьи и авторское описание провалов современного российского государства, дающее ценный материал для дальнейших аналитических рассуждений и исследований.

Ключевые слова: патернализм, государство, философия, либерализм, фон Хайек, А.Я. Рубинштейн.

Классификация JEL: A14, B53, C43.

Для цитирования: **Оболонский А.В.** (2024). Является ли Российское государство патерналистским? (К вопросу о концепции А.Я. Рубинштейна) // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (65). С. 218–226.

DOI: 10.31737/22212264_2024_4_218-226

EDN: BUZSXB

Статья А.Я. Рубинштейна имеет междисциплинарный характер и затрагивает предельно широкий круг вопросов, в том числе – фундаментальных социально-философских проблем. Сразу отмечу ее стимулирующий к размышлениям и дискуссии, провокационный, в лучшем научном смысле слова, характер. Я же, нисколько не претендуя на оценку суждений автора в области чистой экономики, и тем более эконометрики, постараюсь высказаться относительно философско-политических и социальных аспектов его концепции. То есть не по всем затронутым в статье вопросам, а лишь по тем, где считаю себя достаточно компетентным. В первую очередь об авторском и своем понимании патерналистского государства и его соотношения с гражданским обществом. Также я не вполне согласен с авторской интерпретацией взглядов фон Хайека.

Но прежде чем обратиться к содержательным вещам, хотел бы специально отметить подчеркнуто корректный с точки зрения научных стандартов стиль изложения автором своих идей и полемики с носителями иных, не совпадающих с авторскими взглядов. Это особенно импонирует, поскольку с отступлениями

от этого, казалось бы, *conditio sine qua non* правила научных дискуссий последнее время нередко приходится сталкиваться в даже, казалось бы, претендующих на академизм периодических изданиях¹. Постараемся и мы следовать заданным автором этическим стандартам при обсуждении по существу поднимаемых им вопросов.

Как известно, проблематика сущности государства, его соотношения с обществом, его роли в жизни человека и т.д. принадлежит к числу неувядающих, «вечнозеленых». Еще со времен Античности она волновала людей, порождая стремление к ее философскому и этическому осмыслению. Венцом рационально научных размышлений на эти темы были тогда труды Аристотеля, кстати, по сей день во многом не утратившие не только философско-исторической научной значимости, но и практической ценности. Присутствовала она и в Средневековье. Как писал великий французский историк, один из основателей школы «Анналов», Марк Блок, уже в XII в. «в Германии повсеместно, даже на площадях и в трактирах, читали или, по крайней мере, просили переводить сочинения, где еще разгоряченные жаркими стычками церковники рассуждали на все лады о целях государства, о правах королей, их народов или пап. Другие страны не были до такой степени захвачены полемикой. Однако повсюду она оказывала свое действие. Отныне дела человеческие стали в большей мере, чем прежде, предметом для размышления» (Блок, 1973, с. 158). А начиная с Нового времени, проблематика сущности, общественного предназначения государства и социальной роли носителей государственной власти стала одной из ключевых тем социальной, да и вообще интеллектуальной, рефлексии. Целые библиотеки томов написаны об этом с разных позиций. И процесс продолжается.

Последние полвека и экономисты, как хорошо известно читателям журнала, активно вторгаются в данную проблематику, что даже получило неоднозначное наименование «экономический империализм». Полагаю, в данном случае и для данной аудитории нет необходимости напоминать ни имен авторов, ни сути предлагаемых ими различных концепций. Заметим лишь, что применительно к концепции государства некоторые базовые вещи типа его *служебного* назначения по отношению к обществу, необходимости сменяемости персон у власти и т.д., хотя бы теоретически, не подвергаются сомнению в сколько-нибудь серьезных работах. Другое дело, что практика многих современных государств, к сожалению, часто им не соответствует, а то и прямо противоречит.

И то, что у автора статьи, у его коллег, в связи с проводимыми ими исследованиями, у других представителей экономической науки, да и не только у них, возникает объективная потребность в переосмыслении категории государства, свидетельствует как о философской многозначности этого понятия, так и о необходимости его дополнительной методологической проработки и стремление переосмыслить его содержание в рамках экономической парадигмы представляется продуктивным и перспективным в научном плане.

Включение в концепцию эволюции государства экономической составляющей в качестве *независимой переменной*, если я правильно понял логику рассуждений автора, предполагает развитие экономической теории государства в двух возможных направлениях: в одном случае — в сторону легитимации, обоснования

¹ Так, мне лично пришлось недавно столкнуться с этим, когда журнал «Вопросы теоретической экономики», публикуя мою статью, без моего ведома «обогастил» ее рядом сносок с весьма амбициозными, но при этом не слишком компетентными, суждениями, вырванными из рецензий, а также тенденциозными комментариями «от лица редакции», выглядящими как желание «на всякий случай» отмежеваться от тех или иных оценок автора. Подобная демонстративная «суперблагондежность» плохо совместима с культурой и этикой научной дискуссии, да и в целом вредна для науки.

экспансии государства с пренебрежением к сопутствующим этому процессу его деградацией и сужением поля общественного выбора, в другом – в сторону восстановления «иммунной системы» социума, развития институтов гражданского общества и возрождения демократических механизмов общественного выбора. Один вектор, предполагающий эволюционный отбор институтов, способствует сокращению провалов рынка в результате ограничения его свобод, но чреват перераспределением влияния элементов метасистемы в пользу политической власти, т.е. изменением баланса, уравнивания действующих сил. Другой, альтернативный, вектор, обуславливающий сокращение провалов патерналистского государства в результате активности самоуправляемых субъектов гражданского общества, ограничивающих влияние власти, также приводит к изменению «уравнивания действующих сил», но – в другую сторону. Что порождает, по мнению автора рецензируемой статьи, перманентный конфликт между каждой парой триады элементов метасистемы, прежде всего между политической властью и институтами гражданского общества, часто приводя к провалам гражданского общества и неоправданному усилению политической власти.

Я в целом согласен с алармистской тональностью рассуждений автора статьи относительно драматических последствий провалов патерналистского (или на эту роль претендующего) государства. (Правда, связь с этим провалом рынка, думается, более сложна и многофакторна, чем полагает автор, как можно предположить из его беглого замечания на сей счет.)

Теперь о главном – об авторской концепции государства и власти в контексте либеральной мысли XX в. Предшественник фон Хайека, один из крупнейших либеральных мыслителей века, Людвиг фон Мизес, предостерегая против «угрозы, исходящей от бюрократии», писал, что «смирительная рубашка бюрократической организации парализует волю индивида», что «правительство не может сделать человека богатым, но оно может сделать его бедным» (Мизес, 2006, с. 67, 195). А Хайек, будучи его идейным последователем, тоже стоял на ограничительной позиции по отношению к государству. Между тем Рубинштейн в своей интерпретации Хайека, на мой взгляд, несколько недооценивает эту сторону его взглядов, которая для Хайека как последовательного либерала была базовой, ключевой. Думаю, идейно Хайек более близок к классике XIX в., в частности к фон Гумбольдту с его пониманием государства лишь как «необходимого зла», даже в лучшем случае. А в каком-то отношении и к Клавдию Бастии с его крайне либертарным негативным отношением к государству в принципе. В отличие от Бастии Хайек, будучи реалистом, понимал невозможность отказа от государства как такового, но исходил при этом из необходимости его максимального ограничения. Вспомним хотя бы название одной из главных его книг – «Дорога к рабству». Она во многом и посвящена исходящим от государства угрозам. Да и вообще одна из сквозных его тем – «истинно либеральный радикализм, который не пощадит чувствительности властей предрержащих (в том числе профсоюзов), не будет чрезмерно практичным и не ограничит свои задачи только политически реализуемыми» (Хайек, 2012, с. 257). По Хайеку, у государства вообще не должно быть своего «особого интереса». Оно – лишь механизм для согласования всей амальгамы общественных интересов. Концепция же А.Я. Рубинштейна, мне кажется, ближе более умеренным взглядам Рихарда Вагнера.

В определении, предлагаемом автором, проглядывается тенденция *расширительного* толкования понятия государства, что, на мой взгляд, представляет опасность. Важнейшей задачей, адекватной нуждам общества институциональной структуры, является ограничение полномочий государства, возможность *независимого* общественного контроля над государственной машиной, как известно, лишь независимый контроль может быть действенным, а не имитационным. К сожалению, многие наши ученые, не говоря уж о практиках, стоят на иных, конформистских – рептильных – по отношению к носителям государственной власти, позициях. Так называемое «взаимодействие с обществом», о котором пишут адепты активно продвигаемых ими в данной связи концепций, в наших реалиях, по сути, означает апологетику подчиненной, вспомогательной роли гражданского общества в его взаимоотношениях с властью (в частности Л.И. Рубинштейн, И.В. Мерсиянова, А.Н. Шохин). Ведь очевидно, что такое взаимодействие, по определению, не может быть равноправным, хотя бы в силу радикального различия в ресурсных возможностях, не говоря уж о монополии государства на меры принудительного характера. Поэтому оно превращается в имитацию, если не сказать, в профанацию гражданских инициатив через деятельность подконтрольных власти, а не независимых (спонтанных, по Хайеку) структур, поскольку подобные псевдогражданские организации, в основном, занимаются проталкиванием, хотя и косвенным путем, но все тех же интересов бюрократической государственной машины и контролирующих ее лиц. А ведь основная миссия гражданских объединений (в том числе, и по Хайеку) состоит как раз в стремлении сбалансировать, уравновесить экспансию государственных институтов посредством *противостояния* им. О чем сам А.Я. Рубинштейн справедливо и убедительно пишет. Поэтому его позиция в этом отношении, как представляется, имеет отчасти двойственный, не до конца последовательный, характер.

Помимо институтов контроля, конституция реально демократического государства должна включать, а в некоторых случаях и включает еще один серьезный ограничитель – перечень того, что государство ни при каких обстоятельствах делать **не** может. Так, американская Конституция прямо устанавливает, что государство не может издавать законы, ограничивающие права граждан. И многое другое в том же духе. Иными словами, не государство предоставляет права, а они существуют изначально – они первичны по отношению к власти. А государство лишь принимает на себя обязательство их защищать и гарантировать их соблюдение. Что никак не согласуется с концепцией «*патерналистского государства*». Похоже, автор и сам прекрасно это понимает, возвращаясь к данным вопросам в заключение статьи с дополнительными аргументами в защиту своей позиции. Следуя заданной автором логической последовательности изложения, я тоже вернусь к ним в конце. А пока изложу свое понимание сути патерналистского государства, являющегося одним из важных элементов концепции Рубинштейна.

Мне кажется, понятие патерналистского государства порой используется им неоправданно расширительно. По сути, при такой его интерпретации оно становится почти эквивалентным любому авторитарному правлению. Не уходя в обзор различных классификаций государства, отмечу лишь, что ключевым для патерналистской власти (по самому смыслу слова) является та или иная форма ее

заботы об интересах общества. Да, она ограничивает или даже подменяет общественный выбор, часто может иметь о нем ложное представление, но при этом не отбрасывает его как такового, а всерьез думает об общественном благе, хотя, повторяю, в рамках своих на него взглядов. Проявления такой заботы возможны в широчайшем диапазоне — от позиции просвещенного автократа до концепции государства всеобщего благосостояния (*welfare state*). В последнем случае, видимо, можно говорить о своего рода коллективном патере. Но если этого нет, то нет и патера, а само государство вряд ли стоит называть патерналистским. Отнюдь не всякий абсолютист заслуживает этого наименования.

Вспомним XVIII в. — классику абсолютизма. Французский король Людовик XIV не был патером, ибо обществом для него был лишь Версальский двор, в широком смысле, с его интересами и интригами. А народ — лишь ресурсом. Что и аукнулось стране спустя 70 лет. А вот прусский Фридрих II или австрийский Франц-Иосиф, наш Петр I были для своего времени типичными патерами со своими представлениями об общественном благе. Иногда их представления могли быть грубыми, неадекватными или даже уродливыми. Но они были. А в XX в., страшно сказать, но Адольф Шикльгрубер, в некоем смысле, тоже был патером для немцев. И власть он получил на основе общественного выбора, и вплоть до середины 1950-х годов его великим национальным лидером половина немцев считала. А на первых порах — и абсолютное большинство.

К тому же патер должен обладать *харизмой*. Пусть даже отрицательной. Еще одним из условий патернализма видится достаточно высокий уровень *добровольного общественного доверия* к патеру и присвоенным им институтам власти. Однако современные авторитарные лидеры не заслуживают имени патеров. По критериям заботливости и доверия на эту роль не проходят ни филиппинец Маркос, ни множество африканских и латиноамериканских авторитарных лидеров. Так, может, стоит поискать другое слово? — Вариантов немало. Например *персонализм*. Или *потестарное* государство, как его порой называют. Макс Вебер использовал близкий по общему смыслу, но несколько иной по нюансам содержания термин *патримониализм*. Есть еще понятие *predatory state* — хищническое государство. Мне кажется, в разных случаях можно использовать и разные определения. Дьявол, как всегда, — в деталях. Так что понятие патернализма я бы употреблял осторожней. А при свойственном автору статьи столь широком его понимании и распространении на различные по сути типы власти теряется, в частности, плюрализм интересов разных ее звеньев и уровней, их частая противоречивость, и даже противоположность. Не случайно Мансур Олсон определял власть как *распределительную коалицию*, группу с особыми интересами и непропорционально большим влиянием на дела общества.

Думаю, в данном контексте существенно помнить о том значении, которое Хайек уделял субъективным, человеческим факторам, в том числе создаваемым людьми мифам, о чем сами люди порой не догадываются. Так, он пишет: «Большинство людей очень удивились бы, узнав, что большинство их мнений по всем этим предметам — вовсе не бесспорно установленные факты, а мифы, запущенные в оборот из политических соображений и затем распространенные вполне добросовестными людьми, чьим общим убеждениям они соответствуют» (Хайек, 2012, с. 3). Вообще сила влияния мифов на формирование мотиваций

экономического поведения людей, на наш взгляд, явно недооценивается (подробнее см. в (Оболонский, 2024)).

Весьма перспективной представляется авторская идея индекса социальной организации государства (ISOS), которой посвящен социологический аспект статьи. При этом справедливо отмечают трудности и неопределенности, связанные с выборкой из генеральной совокупности, а также с неопределенностью в экспертных опросах самой генеральной совокупности. Поскольку представлена лишь первичная обработка полученных данных, ограничимся, как и сам автор, краткими комментариями.

Так, факт, что в экспертных опросах относительно критериев благосостояния граждан приоритет отдается не повышению доходов населения, а социальным вопросам – качеству медицинской помощи населению и образованию – можно интерпретировать как в терминах социальных провалов рынка, что автор и делает, а, возможно, – и как отражение популярности левой, «государственной» идеологии, близкой к концепту как раз патерналистского государства, уделяющего большое внимание социальным функциям и обязательствам государства, в отличие от подхода с позиций классического либерализма. Заметим, что это не только наша, отечественная, проблема. Даже в такой стране классического либерализма, как США, выдвинутая демократами программа реформы медицинского обслуживания проходила через американский Конгресс с долгими мучениями и издержками.

Раздел статьи, посвященный провалам российского государства, обладает печальной убедительностью: подавляющее большинство опрошенных экспертов указывает на низкий уровень оценки ими уровней выборности, ротации и качества деятельности чиновников на всех уровнях власти. Пожалуй, здесь стоит обратить внимание на то, что в ряду общей справедливо низкой оценки нашей бюрократии несколько более высоко оценивается не федеральный, а ее региональный уровень. Отталкиваясь от этих данных, можно было бы обсудить вопрос о перспективах будущей регионализации государства, децентрализации управленческих полномочий, и даже его общей демократизации. Что в полной мере соответствовало бы духу и букве Конституции Российской Федерации.

Оценки ведущих экономистов страны в отношении «провалов гражданского общества» подтверждают печальную российскую реальность. О чем свидетельствует высота композитного фактора степени ограниченности гражданских прав. Зафиксирован минимальный уровень возможностей для граждан влиять на ситуацию, недостойно низкий для общества, хотя бы формально претендующего на звание демократического. И очень убедительно звучит подтверждение устами экспертов справедливости неоднократно высказывавшегося автором суждения о наличии «серьезного конфликта между политической властью и гражданским обществом, развернувшегося в последние 10–15 лет» (Рубинштейн, 2024). Лично я бы даже оценил его еще драматичней – как войну государственных властей против гражданского общества, в которой, по-видимости, государство достигло если не полной победы, то значительных успехов. И ценой, заплаченной за это, стали снижение функциональной эффективности, снижение качества работы и моральная деградация ряда ключевых государственных институтов. Какой же тут патернализм?

Автор, как и я, сохраняет надежды на возникновение предпосылок ситуации в рамках описываемой им метасистемы, когда на патерналистские установки, вырабатываемые политической властью, будут оказывать чувствительное воздействие институты гражданского общества. Хотя использование при этом лишь слова «надежда» не отражает большого оптимизма. Что более чем понятно при взгляде на динамику нашей политической и экономической реальности. К слову, мой упорный многолетний оптимизм тоже за последние годы больше переходит из области оценок актуальной политики в историческую плоскость. В то же время представляются отнюдь не лишними оснований надежды, связываемые Рубинштейном с развитием социальных сетей, постепенно охватывающих, как пишет В.М. Полтерович, различные возрастные, социальные и профессиональные группы населения. А это может создать предпосылки для спонтанного, по Хайеку, формирования неформальных институтов, создающих условия для «позитивного сотрудничества и коллаборации интересов государства и общества. Тем самым возникают условия для расширения поля общественного выбора, при котором, как полагает и надеется А.Я. Рубинштейн, «на патерналистские установки, вырабатываемые политической властью, будут оказывать чувствительное воздействие институты гражданского общества» (Рубинштейн, 2024). В этом, как и во многом другом, я с ним скорее солидарен. Хотя, с другой стороны, описываемый им конфликт власти и общества, да и вся современная политическая реальность, сокращают шансы на воплощение в жизнь коллаборативной модели позитивного сотрудничества, на что уповают А.Я. Рубинштейн и В.М. Полтерович (Полтерович, 2021).

В заключение статьи автор вновь возвращается к дискуссии, возникшей вокруг его дефиниции государства как метасистемы «власть — экономика — общество», вводя дополнительные обоснования своей позиции в ответ на сходные с моими ранее высказанные сомнения «коллег с безупречным академическим вкусом» и напоминая при этом об опасности ловушки отождествления. Однако, на мой взгляд, он сам отчасти попадает в эту ловушку, утверждая, что «понятия общности, общества, социума существенно в меньшей степени связаны с экономикой, нежели государство и, думается, их также мало определенное содержание имеет иную природу» (Рубинштейн, 2024). Данное утверждение, на наш взгляд, представляет собой неоправданно широкое обобщение. Ведь и в концепции Хайека, и вообще в рамках либеральной парадигмы государственная власть отнюдь не является главным игроком на поле экономики. Ее полномочия ограничены регулятивными и охранительными функциями. Не случайно в классической либеральной идеологии XIX в. государству отводилась лишь роль «ночного сторожа». Другое дело — в «новые времена». Его роль и масштабы существенно расширились — от левых социал-демократических и социалистических концепций и их практических воплощений до государственного тоталитаризма. Но в любом социуме экономические отношения, складывающиеся *помимо* государства, при всех политических режимах играли и играют очень важную роль. Просто иначе и быть не может. Другое дело, что в одних случаях они развиваются более или менее свободно, будучи лишь в той или иной мере ограниченно регулируемы государственной властью, а в других такие ограничения существенно больше и шире — вплоть до их полного подчинения интересам государства и их

захвата. Но суть базовых понятий от этого не меняется. Поэтому расширительная трактовка государства, о чем мы писали выше, на мой взгляд, не очень согласуется с другими аспектами авторской концепции.

В любом случае дискуссия по данному вопросу, как и по ряду других поднятых в статье моментов, определенно заслуживает продолжения. И в этом тоже, помимо других достоинств, состоит несомненная ценность статьи. Так как интеллектуальная провокация как форма критического мышления и обсуждения проблем, включая самые острые и «крамольные» из них, есть существенный атрибут подлинной, серьезной, науки, что отличает ее от всевозможных квазинаучных ее имитаций устами «благонамеренных», обычно политически ангажированных, персонажей. Об опасном распространении последних в нашей науке и А.Я. Рубинштейн, и автор данных дискуссионных заметок, и другие с тревогой неоднократно писали и говорили в последние годы на разных научных площадках. В том числе и на теоретическом семинаре в Институте экономики РАН.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Блок М.** (1973). *Апология истории, или Ремесло историка*. М.: Наука. [**Block M.** (1973). *The Apology of History, or Handcraft of Historian*. Moscow: Nauka (in Russian).]
- Мизес Л. фон** (2006). *Бюрократия*. Челябинск: Социум. [**Mises L. von** (2006). *Bureaucracy*. Cheljabinsk: Sotsium (in Russian).]
- Оболонский А.В.** (2024). Нематериальные детерминанты социально-экономического поведения, или «Не хлебом единым» // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 200–215. [**Obolonsky A.V.** (2024). The nonmaterial determinants of socio-economical behavior, or “Not by the bread alone”. *Issues of Economic Theory*, 3, 200–215 (in Russian).]
- Полтерович В.М.** (2021). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // *Вопросы экономики*. № 1. С. 52–72. [**Polterovich V.M.** (2021). Crisis of institutions of political competition, internet and collaborative democracy. *Voprosy Ekonomiki*, 1, 52–72 (in Russian).]
- Рубинштейн А.Я.** (2024). Социальная организация государства: проблема сбалансированности // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 4 (65). С. 196–217. [**Rubinshtein A.Ya.** (2024). Social organization of the state: The problem of balance. *Journal of New Economic Association*, 4 (65), 196–217 (in Russian).]
- Хайек Ф. фон** (2012). *Капитализм и историка*. М.: Социум. [**Hayek F. von** (2012). *Capitalism and Historians*. Moscow: Sotsium (in Russian).]

Поступила в редакцию 29.07.2024

Received 29.07.2024

A.V. Obolonsky
HSE University, Moscow, Russia

Is the Russian state really paternalistic? (On the concept of A.Ya. Rubinshtein)

Abstract. The article is devoted to discussion around a part of questions, raised in the fundamental interdisciplinary work by A.Ya. Rubinshtein. Multiple qualities of his article, a deep character of it, stimulating to further considerations and development of its ideas, are emphasized. It assumes, at the same time, discussion on some aspects of it. Problems of the essence and typology of states, its place in the life of individual are everlasting and “evergreen”. I reminded the historical evolution of them in a very short review. The major part of my arguments was addressed to analysis of the author’s interpretation of von Hayek’s views and to critical comparison of his and my understandings of paternalistic state. It seems that Rubinshtein underestimates the liberal basis of Hayek’s social vision. He interprets paternalistic state unreasonably too broadly. As a result, this notion becomes almost similar to any authoritarian rule. That seems to me incorrect, and I am trying to prove it on historical and contemporary examples. Sociological part of the article is of special interest, including the author’s description of states’ failures attributed to contemporary Russia. It presents a valuable ground for the following analytical considerations and research.

Keywords: *paternalism, state, philosophy, liberalism, Hayek von, Rubinshtein.*

JEL Classification: A14, B53, C43.

For reference: **Obolonsky A.V.** (2024). Is the Russian state really paternalistic? (On the concept of A.Ya. Rubinshtein). *Journal of the New Economic Association*, 4 (65), 218–226 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2024_4_218-226

EDN: BUZSXB